

Ю. В. Пуцаев

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА, МОСКВА, РОССИЯ

Г. М. Шиманов и его несбывшаяся мечта о «православизации советского государства»

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности сегодня практически неизвестного широкой публике, но весьма интересного мыслителя, православного публициста и диссидента советского и постсоветского времени Геннадия Михайловича Шиманова (1937–2013). Даётся общий очерк его биографии и творческой судьбы. Говорится о нетипичности его фигуры для диссидентского и правозащитного движения, которое имело преимущественно либеральный характер. В целом его воззрения характеризуют исповедование православия ещё в советское время, христианский социализм и русский национализм. В центре внимания статьи — историософский прогноз Шиманова 1970-х годов о том, что советское государство должно переродиться в православную теократию, а также полемика вокруг этого прогноза в тогдашней диссидентской литературе. Нетипичным для тех лет было убеждение Шиманова в необходимости сохранения лояльности советскому государству даже со стороны инакомыслящих. Затрагивается также творчество Шиманова и его характер после краха СССР, когда его ожидания столь очевидным образом не сбылись, сбылись с точностью до наоборот. Тем не менее отмечаются удачные идеи-прогнозы Шиманова относительно того, какие отрицательные последствия для страны и общества будет иметь либеральный выбор выхода из исторического тупика советского времени. В статье отмечаются и слабости в шимановских построениях, которые особенно дали

о себе знать в постсоветские годы: это болезненный антисемитизм, чрезмерная социальность в понимании христианства и идеологическая ангажированность. В то же время к положительным чертам его идей следует отнести центрированность и сосредоточенность на национальном и семейном вопросах, от которых зависит будущее русского народа.

Ключевые слова: Г. М. Шиманов, советское государство, диссиденты, православие, социализм, христианский социализм, национализм, социальное христианство, Запад

Для цитирования: Пущаев Ю. В. Г. М. Шиманов и его несбывшаяся мечта о «православизации советского государства» // Ортодоксия. — 2023. — № 3. — С. 11–51. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-3-11-51

Мало кто сегодня помнит об интересном русском мыслителе и общественном деятеле, диссиденте и публицисте Геннадии Михайловиче Шиманове (1937–2013). Как сказано в одной из немногих посвящённых ему статей, «Г. М. Шиманов, кажется, самый непрочитанный и даже, может быть, замалчиваемый из русских мыслителей последнего полвека. Большой публике его имя остаётся неизвестным даже в самое последнее время»¹.

О нём есть лишь несколько статей-воспоминаний на «Русской линии». В академической литературе нам известна лишь одна работа о Г. М. Шиманове (Суслов 2006). Однако поскольку её автор является человеком с ярко выраженным либеральным образом мыслей, а Шиманов был совершенно противоположных взглядов, то такое несовпадение исходных предпосылок у автора и «предмета» его изучения не лучшим образом сказывается на этой статье, ведь это не самая лучшая герменевтическая позиция.

¹ А. Коппенол. Русская мысль Г. М. Шиманова//Русская линия.— 2017.— 10 июля.— URL: https://ruskline.ru/analitika/2017/07/10/russkaya_mysl_gmshimanova (дата обращения: 10.07.2023).

Между тем, по нашему убеждению, фигура Г. М. Шиманова весьма важна для истории общественной отечественной мысли второй половины XX — начала XXI века. В частности, в 1970-е годы Шиманов высказал одну примечательную идею, которая у него носила характер уверенного прогноза. Сегодня мы понимаем всю утопичность и несбыточность этой идеи, но тогда она закономерно наделала много шума, и в ней многие тогда даже усмотрели большую угрозу.

О чём именно тут речь? Начнём немного издалека, с одной истории, которая может послужить своего рода введением в тему. В 1990 году философ и филолог Владимир Биbihин публикует свою статью «Для служебного пользования», в которой он очень критично анализирует деятельность ИНИОНа (Институт научной информации по общественным наукам Академии наук) и свою в нём работу в советское время. Биbihин начинает свой рассказ со следующего запоминающегося утверждения:

«Власть начала искать идеологические альтернативы марксизму рано. Уже в 1973 году мы знали, что военные политические стратеги планируют скинуть марксизм и взять на идеологическое обеспечение армии православие» (Биbihин 2003: 181).

Кого Биbihин имеет в виду под словом «мы», тех, кто знал про коварные планы власти? Легко предположить, что это тогдашняя интеллектуальная элита, работавшая в ведущих столичных академических учреждениях вроде ИНИОНа, весьма либеральная по духу. Ведь планы эти, судя по контексту, этим «мы» были явно не по душе. «Мы», «природные диссиденты», пишет далее Биbihин, тогда же были допущены к деньгам, которые платили им за то, что они в ИНИОНе выполняли переводческие и реферирующие функции в ходе «идеологической разведки альтернатив» для власти. То есть из этих слов выходит, что власть действовала сразу по разным направлениям, ища выход из тогда всё более становившегося явным идеологического и общественного тупика.

Но правда ли всё так именно и было? Не является ли суждение о якобы готовности советской власти «взять на идеологическое обеспечение армии православие» примером, попросту говоря, мифологизирующего интеллигентского мышления? Статья эта была написана Биbihиным в 1999 году. Уже гораздо позже (в 2015 году) другого философа, Сергея Хоружего, близко дружившего с Биbihиным, спросили о том, мог ли он тогда и про себя сказать то же самое — что и он знал в начале семидесятых, что уже тогда на уровне советской номенклатуры велась подобная разведка альтернатив марксизму?

Хоружий на этот вопрос ответил отрицательно:

«Я не отношу себя к этому “мы”. Я ничего не знал о подобных планах руководства Советского Союза или высокопоставленных военных чиновников. Более того, мне кажется маловероятным, что подобные планы вообще существовали. Предполагаю, что под этим “мы” не могут иметься в виду и люди нашего привычного окружения тех времён, то есть, грубо говоря, квазидиссидентствующая христианская интеллигенция вокруг отца Александра Меня. Разумеется, мы считали церковную иерархию тех лет полностью зависимой от коммунистического руководства. Но мы даже не могли представить, будто партийное начальство или военные рассматривали возможность замены марксизма на православие. На подобные идеи не было и малого намека, по крайней мере в кругах церковных диссидентов. Вообще, конечно, “диссиденты” — это не очень подходящее слово для таких людей, как о. Александр, или тех, кто был рядом с ним, например для меня или наших ближайших друзей» (Михайловский, Штёкль 2021: 170).

С. С. Хоружий аргументировал свои соображения, в частности, тем, что замена марксизма православным христианством, якобы планировавшаяся властью, означала бы радикальный выход за рамки тогдашней идеологической модели сознания 1970–1980-х годов, что по тем временам было просто невообразимым. По его словам, даже не до 1985-го, а вплоть до 1988 года никто из тогдашних коммунистических идеологов себе даже и представить не мог, чем и как всё обернётся. В итоге он резюмирует: «Я очень сомневаюсь, что такие планы существовали. То были кухонные разговоры» (Михайловский, Штёкль 2021: 171).

Однако интересно, что как раз в те годы, в начале 1970-х годов, в Москве действительно был человек, который разрабатывал планы трансформации советского марксистского государства в государство христианское и православное. Только он не имел никакого отношения к власти. Причём не имел его настолько, что его смело можно назвать сегодняшним словом «маргинал». Геннадий Михайлович Шиманов (1937–2013) к тому времени сменил уже множество чернорабочих профессий: рубщик леса в тайге, дворник, лифтёр, сторож, оператор газовой котельной, успевший к тому же посидеть в сумасшедшем доме и «официально признанный социально опасным по причине своего душевного заболевания» (Шиманов Идеальное государство 2013: 230).

Шиманов был в то время известным разве что в очень узких кругах диссидентом правого толка, автором Самиздата консервативно-национального

толка. Работа на непрестижных местах и должностях была ему нужна, чтобы иметь время и свободу от материальных забот и нестеснённо думать. Ведомый мечтой о «православизации советского государства» (Шиманов *Идеальное государство* 2013: 229), он, пожалуй, был один такой в тогдашних диссидентских кругах, кто активно такие взгляды выражал и отстаивал. Однако, как видим, эта идея, что называется, одновременно витала в воздухе московской интеллектуальной элиты и была предметом для опасливых кухонных разговоров. И кто знает, опасения Бибикина и его круга о якобы тайных православных настроениях власти — не следствие ли слухов по «испорченному телефону», источник которых — тогдашние статьи Шиманова начала 1970-х годов? Ведь на эти шимановские построения и планы откликнулись в открытой печати и обеспокоенно приняли их всерьёз такие крупные диссидентские фигуры, как, например, Александр Янов и Андрей Синявский. Значит, всё же у странных идей этого московского маргинала из «дворников и сторожей», официально признанного сумасшедшим (свои злоключения в сумасшедшем доме, как он там оказался и через что прошёл, Шиманов в 1969 году опишет в «Записках из красного дома»), всё же были какие-то основания? Значит, что-то он ухватил, если от его писаний встревожились ведущие либералы-диссиденты тех лет?

Андрей Синявский в своей книге «Основы советской цивилизации» лихо называет Геннадия Шиманова «теоретиком православного фашизма», который он характеризует так: «Идеологи этого направления говорят, что русские — это православные. А кто не православный — тот не русский. В качестве идеала государственного управления предлагается теократия: власть церкви вместо государства. Выдвигается лозунг: “Православизация мира”. То есть захват мира русским народом, но не под знаменем марксизма, а под знаменем православия!» (Синявский 2001: 373–374). В качестве подтверждения истинности своего описания Синявский далее цитирует выдержки из статьи Шиманова «Идеальное государство», после чего резюмирует, что стремление соединить крест с красной звездой не пойдёт, по его мнению, на пользу православному христианству: «тенденции соединить православие с националистическим государством представляются мне крайне опасными. В первую очередь опасными — Православию, христианству, которое от союза с государственностью, с национализмом, с политикой, может только проиграть. Крест на красном знамени — не в пользу креста» (Синявский 2001: 375). Это сказано красиво, но очень неточно, является идеологическим перехлёстом. Шиманов не планировал соединить крест с красной

звездой. Его тогдашняя концепция вовсе не была каким-то вариантом православного ленинизма, синтезом того и другого, что подробно будет показано ниже.

Другой видный диссидент, известный историк русской общественной мысли и либеральный публицист А. Янов, пишет в эмигрантском журнале «Синтаксис» в 1978 году, что Шиманов «один из множества современных русских интеллигентов, оставивших мечту о жизненном успехе и сознательно ушедших на самое “дно” материального существования для того, чтобы обрести на этом “дне” свободу. Свободу думать, писать и проповедовать» (Янов 1978: 31). То, что Шиманов — лифтёр, что его место «в подвале, где сыро и душно, рядом с мусоропроводом», сделало его почти неуязвимым для власти, дало ему возможность обдумать и написать десятки статей. Янов даже называет Шиманова «одним из самых влиятельных идейных лидеров течения <...> диссидентской Правой» (Янов 1978: 31). Более того, Янов пишет, что с его точки зрения «сочинения Шиманова представляют один из самых замечательных и индикативных феноменов идейного процесса, происходящего в сегодняшнем СССР. Процесса, по моему глубокому убеждению, формирующего его завтрашнюю социально-политическую реальность» (Янов 1978: 31–32). Вот так. Московский лифтёр и дворник, отсидевший в сумасшедшем доме и сидящий теперь в подвале, выражает, как тогда Янову казалось, процесс, ни много ни мало формирующий будущую социально-политическую реальность!

Интересно, что Янов, ещё в своё доэмигрантское время в СССР став заметным специалистом по творчеству Константина Леонтьева, называет главного героя своих научных изысканий его «дореволюционным аналогом» Шиманова (Янов 1978: 41), настолько последний его поразил и задел. Сходство, надо думать, состояло для Янова не только в степени «мракобесия» Шиманова, чем-то напоминающего «мракобесие» Константина Николаевича. Оно состояло ещё и в том, что Шиманов в своём стремлении к трансформации «реального коммунизма» в православное государство шёл в каком-то смысле по стопам Леонтьева. Тот почти за сто лет до Шиманова тоже надеялся на претворение коммунизма или социализма в православное идейное и политическое движение, в осознавшую себя феодальную реакцию будущего.

Действительно, у Шиманова есть мысли и обороты, напоминающие идеи Леонтьева. Поэтому, например, и уже процитированный нами А. Коппенот тоже сближает Г. Шиманова и К. Леонтьева, в том числе потому что оба они при жизни были практически неизвестны широкой

читательской публике. «Впрочем, у обоих мыслителей есть ряд сближающих их черт. Самостоятельность в мысли; резкие формулировки, которые, может быть, отталкивали возможных единомышленников; твёрдое государственничество, которое, однако, никогда не опускалось до безоговорочного охранительства»². Однако сам Шиманов писал, что решающее воздействие на него в молодости оказал Достоевский, которого в некоторых важных вопросах оспаривал К. Н. Леонтьев (я имею в виду спор Леонтьева с Достоевским о «розовом христианстве» и вытекающее отсюда разное представление об общественном идеале).

В первом своём самиздатовском сборнике «Перед смертью», составленном им в 1969 году, Шиманов рассказывает о своём обращении к вере и о начале диссидентского пути, подробно говорит о том, как увлёкся Достоевским в армии:

«Большое счастье в армии — забыть о своей казарме и читать хорошую книжку. Или читать полученное письмо, перечитывать и писать ответ. Или просто погрузиться в свою душу. Попался мне в один из таких блаженных часов томик Достоевского, и я почувствовал, что читаю как бы о себе самом. Это был “Сон смешного человека”.

Достоевский стал для меня человеком, который сформулировал и углубил те мысли, которые, как мне казалось, зрели во мне самом. Подобно дантовскому Вергилию, он провёл меня в глубины моей собственной души и показал эти бесконечные круги, эти безумные круги жизни. И как бы сказал мне: “ЕСЛИ ХРИСТОС НЕ СПАСЁТ ТЕБЯ, ТО НИКТО НЕ СПАСЁТ”» (Шиманов «Перед смертью» 2013: 12–13).

Впрочем, в армейской юности интерес к религии у Шиманова причудливо сплетается с симпатиями к коммунистической идее. С одной стороны, в чём-то это был типичный диссидентский путь. Пожалуй, никто из советских диссидентов не начинал сразу с антикоммунизма, все они сначала были идеалистами-коммунистами. Но, с другой стороны, в его своеобразных юношеских представлениях были прообразы более поздней, парадоксальной для обычных диссидентов шимановской идеи о принятии советского государства, отрицании необходимости борьбы с ним и надежды на его мирную эволюционную «православизацию». Эти шимановские настроения чем-то напоминают выбор Александра Невского: уж лучше татаро-монгольское иго, под которым всё равно можно сохранить своё культурно-национальное своеобразие,

² А. Коппенол. Там же.

чем обращение на Запад, который сотрёт нас и уничтожит как культурно-историческую индивидуальность. Шиманов тогда, в свои 20 лет, принимает коммунистическое насилие, потому что оно спасает от либерально-демократического Запада, который несёт антропологическую и культурно-историческую деградацию:

«В то время когда я с восторгом вчитывался в слова Достоевского, во мне вдруг ожила с новой силой не исчезающая полностью никогда и лишь отступившая временно на задний план моя старая приверженность к коммунистической идее. К идее, которая повернулась на этот раз новой гранью.

В демократическом обществе, думалось мне, как и в предоставленной самой себе толпе, верх берут низменные инстинкты. На демократическом Западе они торжествуют. Но тот же процесс идёт и у нас, только медленнее. Человечество скользит к царству вавилонской блудницы, и остановить его может только сильная рука диктатора, в груди которого бьётся светлое сердце. Стаду нужна плеть, чтобы гнать его к зелёной траве и водою, народу нужен диктатор, чтобы не дать ему разложиться.

Такой светлой диктатурой и представлялась мне тогда диктатура коммунистической партии. Когда в Венгрии началось восстание, я всеми силами желал ему поражения и был доволен, что его разгромили.

Я вернулся из армии влюблённым в Достоевского и в коммунистическое насилие ради высшего блага. Я чувствовал, правда, некоторую раздвоенность в своей позиции, но мне казалось, что она имеет внешний характер. Что Достоевского можно примирить с коммунистической идеей в том её виде, в каком она мне тогда представлялась» (Шиманов Перед смертью 2013: 19).

Ярко выраженная индивидуальность Шиманова как автора, мыслителя и публициста во многом предопределила его сегодняшнюю непрочитанность и неизвестность. Хотя в этом всё же ещё больше, наверно, сказалось то, что советская и постсоветская история пошла не по-шимановски, что его прогнозы 1970-х сбылись с точностью до наоборот. Хотя это тоже немало — ошибиться так выразительно, с точностью до наоборот. Это своего рода «весьма удавшаяся неудача». Схожим образом совершенно не ко двору в 1980-е, 1990-е и 2000-е пришёлся один из его постоянных идейных пафосов — призыв к возрождению традиционных русских норм и ценностей.

Между тем непохожесть ни на кого, буквально самовыламывание из общих путей начинается у Шиманова с ранней юности, что он тоже подробно описывает в самом раннем сборнике «Перед смертью». Родился Геннадий Михайлович Шиманов 10 июля 1937 года в селе Идрица Тверской (тогда Калининской) области. Его родители были из рязанских крестьян. Отец, погибший в конце Великой Отечественной под Будапештом, по словам матери, был пламенным коммунистом. С детства увлечённый поэзией, в 14-летнем возрасте Геннадий Шиманов знакомится со стихами Есенина, которые изменяют его отношение к жизни. Геннадий теряет интерес к предметам, изучаемым в школе, а в 1955 году совершает отчаянный шаг — бросает её прямо перед экзаменами на аттестат зрелости. Он завербовывается в Сибирь на лесоповал и уезжает туда с томиком стихов Велимира Хлебникова и книгой Сталина «Экономические проблемы социализма». Но столкновение с суровой сибирской реальностью, в окружении грубых людей и вдали от сколь-нибудь цивилизованного мира, быстро выбивает из него романтические ожидания. В дальнейшем он служит 3 года на Северном флоте в морской авиации, где и открывает для себя Ф. М. Достоевского.

Начиная с отъезда в Сибирь его жизнь — это позиция социального маргинала, что в свою очередь обеспечило ему в общем-то главное внешнее условие для успешного творчества — свободу от множества бытовых и прочих жизненных забот. После демобилизации в 1959 году Шиманов возвращается в Москву и активно начинает заниматься самообразованием, просиживая днями в Исторической публичной библиотеке. Как он рассказывает, это было время для просиживания в библиотеках, чтения уймы умных книг и болтовни в курилках с такими же чудаками, как он сам. Но однажды, когда он просматривал какой-то протестантский журнал (их давали в читальном зале), Шиманов там увидел большими буквами знакомые с детства слова «Христос Воскрес!». И вдруг с ним случился духовный, душевный переворот. Вот как он сам описывает это мгновение, определившее его жизнь:

«Но я смотрел на эти слова так, словно увидел их впервые. Страшная мысль росла во мне. А что, если... на самом деле...

И я почувствовал всем своим существом, что это та самая истина, которую я искал, сам не зная того. Что это на ней держится вся правда и красота мира. Что это её свет наполнял его, а я, не видя источника света, то радовался этому миру, принимая его за самосветящийся, то

сомневался и отчаивался в нём. И ещё я почувствовал, что истина эта не насилует человека, но даётся ему так, что он может принять её, а может и не принять. Может свободно определить себя» (Шиманов Перед смертью 2013: 48).

Шиманов далее говорит, что поверить в Христа было так страшно, что показалось, надо идти к Нему над пропастью по воздуху. Но после мгновенного колебания он пошёл. Пошёл, испытывая чувство небывалой свободы, удивляясь и радуясь, словно какая-то благая сила поддерживает его. И потому он не падает в пропасть и не сходит с ума.

Свершившийся внутренний переворот совершенно меняет его жизнь. Шиманов становится христианином. Он сначала ищет правильную веру. И довольно быстро, после некоторых блужданий, её находит — это православие.

Также он знакомится с русской религиозной философией XX века, которая оказывает на него сильное воздействие. С тех пор Шиманов работает, как мы уже сказали, на маргинальных работах вроде дворника, сторожа или лифтера, дающих минимум средств для жизни, но максимум свободного времени для самообразования, раздумий и бесед с близкими по духу людьми. Он активно начинает заниматься самиздатом: перепечатывает или организует перепечатку на пишущих машинках христианской литературы, пишет свои первые статьи о разумности веры в Бога. Эти статьи также войдут в его первый самиздатовский сборник «Перед смертью» (1969), который будет распространяться автором в количестве 14 экземпляров.

Осознав себя православным христианином, Шиманов будет с 1962 года и вплоть до 1971–1972 годов настроен преимущественно антисоветски из-за антирелигиозной политики советской власти. Позже он будет объяснять это тем, что руководствовался тогда своей достаточно наивной логикой примерно следующего характера: я — православный христианин, советская власть — против Церкви и веры. Значит, я — против советской власти³. Как сказано в Предисловии к сборнику работ Шиманова 2013 года, изданному Институтом русской цивилизации, «связи с диссидентами Шиманов поддерживает, видя в них, как и в религиозных иноверцах, союзников перед лицом агрессивного марксизма» (Шиманов Предисловие 2013: 6). Тогда он

³ Воспоминания Шиманова. Часть I//Сайт «Геннадий Шиманов. Работы разных лет». — URL: http://shimanov.narod.ru/Vospominania_1.htm (дата обращения: 29.09.2023).

активно вращается в диссидентских кругах и придерживается поначалу стандартных принципов западного правосознания. Подтверждение этому — написанная им в 1965–1966 годах статья «Площадь Пушкина», приобретшая популярность среди диссидентов-либералов.

Вскоре Шиманова по настоянию КГБ помещают в психиатрическую больницу им. Кащенко, где разными принудительными и устрашающими способами убеждают отказаться от пропаганды христианства. Свои злоключения, обстановку психбольницы и свои разговоры с медперсоналом и обитателями учреждения, а также то, как ему удалось оттуда вырваться, Шиманов описывает в «Записках из красного дома». Эти «Записки...» неизвестными автору путями попадают на Запад, публикуются на иностранных языках и читаются радиоголосами, вещающими на СССР. Так Шиманов приобретает первую известность в «узких кругах» (впрочем, за пределы очень узкого круга его известность пока так и не вышла).

Но к началу 1970-х намечается его идейный разрыв с диссидентской средой. Он начинает понимать, что русофобия и неприязнь к православию — не случайные для неё явления. Так он становится одним из авторов только что возникшего первого русского самиздатского журнала «Вече» под редакторством В. Н. Осипова. Также Шиманов первым из патриотов выступил против откровенно русофобского сборника «Метанойя», авторами которого были анонимные духовные дети отца Александра Меня. Сборник вышел в эмигрантском журнале «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения» Никиты Струве. Один из его наиболее скандальных тезисов: «Россией принесено в мир зла больше, чем кем-либо ещё, и в глубине русского духа совершилось отпадение от Бога». Позже этот сборник раскритикует и Солженицын в одной из своих статей сборника «Из-под глыб».

Вот, в частности, какие замечательные слова пишет Шиманов в своём первом открытом письме Никите Струве как редактору «Вестника РСХД», резко и обоснованно выступая против авторов лживо христианского сборника «Метанойя» (лживо христианского хотя бы потому, что его авторы, требуя покаяния от других, не распространяют это требование на себя, нигде не говорят хотя бы то, что это *мы* согрешили):

«Мучительно думая о судьбах нашей Родины, мы не можем в конце концов не признать: нет, недаром почти тысячу лет на Руси теплились лампы перед святыми иконами, строились благодатные дивные храмы, совершались страшные Божественные Литургии. Недаром подвизались

в своих подвигах бесчисленные святые и даже в своих заблуждениях стремились к правде отпавшие от Православия лжеучители. Недаром и страну свою наш народ называл не прекрасной и не великой, но именно Святой Русью. Верить, что эта Святая Русь может оказаться каким-то фантомом, каким-то привидением, способным бесследно сгинуть, — значит верить в бессилие святости вообще. Святая Русь неистребима, она не может пройти, она вечна и победна. И именно ей в истории нашего народа принадлежит последнее слово.

<...>

Воцерковиться, воправославиться, приобщиться ко всей полноте русской народной культуры, не смущаясь теперешним униженным положением Русской Православной Церкви и русского народа, не соблазняясь земным благополучием инославных церквей и других народов, — вот что нам надо. Негативизм по отношению к Православию и к русскому народу, вызванный их жалким теперешним состоянием, духовно близорук и духовно мелок. А подмена церковных и народных богатств собственным творчеством или обезьяньими заимствованиями с «неразлагающегося» Запада — это дурной путь для русской интеллигенции. Хотя, по-видимому, и неизбежный для многих вследствие общего болезненного перекоса теперешней жизни. Не подменять православно-народные богатства собственным творчеством нам надо, а вплести его гармонически в общую ткань, обогатив его духом этой ткани. Вот задача, которую приняли, принимают и примут на себя лучшие русские люди» (Шиманов Три открытых письма Н. А. Струве. Письмо первое 2013: 124–125).

Струве эти обращённые к нему и авторам сборника письма Шиманова в своём журнале публиковать не стал и отвечать на них тоже. В 1973 году первые два из них вышли в журнале РПЦЗ «ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ» (США).

Шиманов всю свою жизнь публиковал свои работы, что называется, «на краях», в весьма маргинальных изданиях общественно-политического толка. В 1975 году выпускает самиздатовский сборник своих статей под названием «Против течения», где много пишет о браке и семье, о воспитании детей и общественной жизни. Это его другая постоянная тема, в которой он выступает как *радикальный традиционалист*. Шиманов, например, риторически спрашивает, какая нормальная женщина хочет быть выше своего мужа? или даже вровень с ним? «Нет, всякой приятно быть чуточку пониже. И не только росточком, но и по своей воле, и по физической,

конечно, силе. И даже по уму. Но не по красоте. Тут уж никакая баба своего не отдаст» (Шиманов Гнездо человечьё 2013: 498).

И далее он вызывающе для современного человека продолжает:

«Подчинение мужу диктуется не столько физической слабостью жены, сколько интуитивным пониманием ею того, что её природа в целом более хаотична, менее организована, более пластична и внушаема, нежели мужская. Как правило, она пассивнее мужской, а если бурна, то бурна безоглядно. Поэтому нуждается в опоре на мужской разум и мужскую твёрдость.

Это сознательное подчинение мужу не означает отмирания или бездействия высших духовных и душевных сил жены. Наоборот, именно в таком зависимом состоянии они раскрываются наиболее полно. Так, детский умок в единстве с умом родительским, т. е. в зависимом от него состоянии, не увядает, но развивается полнее, чем предоставленный самому себе. Предоставленный самому себе, он дичает. И чем раньше оказывается на “свободе”, тем катастрофичнее последствия.

Это сравнение уместно потому, что женщина ближе по своей организации к детям: она их вынашивает, кормит грудью, лучше их понимает, потому что живёт, как и они, больше чувствами, нежели разумом. Но эта близость её организации к детской, конечно, не так велика. Жена уступает мужу в росте в среднем на полголовы — примерно на столько же, вероятно, ближе и по своей организации к детской» (Шиманов Гнездо человечьё 2013: 498–499).

В своих работах он очень решительно, прямо-таки радикально идёт против того, что принято называть современным течением жизни, какой характер в целом она всё больше обретала и обретает (женская эмансипация, индивидуализм, культ потребления, которые всё больше просачивались и в позднесоветское общество). Возможно, неслучайно название этого шимановского сборника воспроизводит название книги бесед против революции русского консерватора-публициста второй половины XIX века Н. А. Любимова, которая тоже называлась «Против течения».

В 1980–1982 годах Шиманов редактирует и издаёт самиздатовский альманах «Многая лета». Но после 5-го номера, в котором речь шла об иудейско-масонском заговоре (Шиманов был очень не чужд конспирологии, что не лучшим образом сказывалось на качестве его мысли) и страшной катастрофе, которая разразится в нашей стране, если советские руководители сдадутся Западу, редактора вызывали в КГБ. Там его предупредили,

что против него будет возбуждено уголовное дело, если он не прекратит издание своего альманаха. Шиманов его прекращает, а в 1987–1991 годах редактирует и издаёт самиздатовский альманах «Непрядва» (вышло 19 номеров). Но после резкого повышения цены на ксерокопирование и это издание прекращается. С этого времени статьи Шиманова печатаются в разных патриотических журналах, по преимуществу в журнале «Молодая гвардия».

С гибелью СССР и победой звериного гайдаровского капитализма Шиманов переживает слом и упадок. Как рассказывает Н. В. Сомин, «мечты о святой Руси были разбиты вдребезги, и статьи Шиманова уже мало кого интересуют. Перестройка явилась тяжелейшим испытанием для многих и многих русских патриотов. Так, не пережил её Феликс Карелин (†1992) — выдающийся православный богослов, один из близких друзей Шиманова. Да и у самого Шиманова творчество вдруг застопорилось. Он начал попивать»⁴.

Однако, как далее свидетельствует Сомин, Шиманов был сильный человек. Поэтому он всё же берёт себя в руки, начинает неукоснительно ходить в храм и исповедаться, исповедаться и совершенно бросает пить. «В пору моего знакомства с ним это был абсолютный трезвенник, никогда не бравший в руки рюмки и лишь шутивший по этому поводу (“мне нельзя, я алкаш”»⁵.

Так что в девяностые Шиманов продолжает работать над новыми статьями. Но к тому времени его прежняя известность и актуальность его мыслей, пусть и в узких кругах и для узкого круга, прошла. Распался кружок его единомышленников (Ф. Карелин, Г. Шиманов, В. Прилуцкий, В. Капитанчук). Россию лихорадило от вседозволенности, культа наживы и эгоизма, распада прежних устоев, социальных и национальных проблем. Казалось, вот-вот, и страна тоже рухнет вслед за СССР. Шиманов в его борьбе за христианский социализм становится прямо-таки вызывающе неактуален, хотя сбылись многие его прежние прогнозы относительно того, что будет, если победят демократы и в Россию придёт западный либерализм и капитализм.

Шиманов ещё собирает в нулевые «семинар» у себя на квартире на метро «Рижская», но и без того немногочисленный круг участников

⁴ Сомин Н. В. Поздний Шиманов. Заметки о философе-праведнике. Ко дню памяти//Русская линия. — 2014. — 24 мая. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2014/05/24/pozdnij_shimanov_zametki_o_filosofepavednike (дата обращения: 05.10.2023).

⁵ Сомин Н. В. Там же.

становится всё меньше, пока к концу 2000-х их не остаётся только двое — Н. В. Сомин и сам Шиманов.

Но Шиманов всё равно не сдаётся. Он «по второму кругу» «осмысливает вечные для него темы: социализм, национализм, еврейство, капитализм, церковь. Это уже был “поздний Шиманов”, которого я знал...»⁶. Последняя большая работа, которую он завершает совсем незадолго до своей смерти, называется «Причины гибели христианской цивилизации»⁷. Она носит программный характер, автор боялся, что не успеет её закончить. Но к концу апреля 2013 года этот небольшой трактат был закончен, а 24 мая — в день учителей словенских Кирилла и Мефодия — Шиманов умер.

Многие его работы, в том числе поздние и нигде больше не публиковавшиеся, собраны на этом сайте: Сайт «Геннадий Шиманов. Работы разных лет» (<http://shimanov.narod.ru/>). Отсылаем к нему читателя, заинтересовавшегося идеями этого достаточно необычного публициста и мыслителя.

ЧЕМ СЕГОДНЯ ИНТЕРЕСЕН Г. М. ШИМАНОВ?

Надо сказать, что Шиманов обладал неплохими литературными способностями. Он писал ясно и хорошим слогом, умел облечь свою мысль в запоминающиеся формулировки. Некоторые его выражения весьма удачны и даже могут рассматриваться как афоризмы. Как опять-таки свидетельствует Н. Сомин, «крайне важна была для Шиманова форма статей, язык, фразеология, подача материала. Он очень упорно над этим работал, ища нужное слово. Шиманов — мастер афоризма, ярко запоминающейся фразы, остро выраженной мысли»⁸.

Приведём примеры удачных афористичных высказываний Шиманова:

«Неумение терпеть есть знак духовной несостоятельности» (Шиманов Отрывки из дневника 2013: 143).

«Я даже думаю, что для будущих судеб России самовар намного важнее сочинений, скажем, Владимира Соловьёва» (Шиманов Путь жизни 2013: 169).

⁶ Сомин Н. В. Там же.

⁷ Шиманов Г. М. Причины гибели христианской цивилизации//Сайт «Геннадий Шиманов. Работы разных лет». — URL: http://shimanov.narod.ru/prichini_gibeli.htm (дата обращения: 05.10.2023).

⁸ Сомин Н. В. Там же.

«Чем несерьёзнее в церковном отношении человек, тем он революционнее и нетерпимее к существующим властям» (Шиманов Как относиться к советской власти 2013: 206).

«Цель наших “благодетелей” была в том, чтобы освободить нас от одного, сравнительного примитивного, обмана, но не для того, чтобы приблизить нас к истине, а для того, чтобы сделать жертвами обмана ещё большего. Ещё большего, потому что куда более трудно распознаваемого» (Шиманов Идеальное государство 2013: 228).

«Свобода совести в демократическом её истолковании подразумевает отказ человека от права иметь своё религиозно и национально организованное социально-политическое пространство» (Шиманов Псевдodemократическое правосознание 2013: 386).

«Не будет внешнего неравенства — уйдёт из брака любовь, как уходит вода из дырявого ведра» (Шиманов Гнездо человечье 2013: 497).

«Богатство создаёт иллюзию богоподобия человека» (Шиманов Избыток собственности опьяняет ум человека 2013: 536).

«Конкуренция демонизирует людей, делая их проницательными по части слабостей друг друга и умеющими на этих слабостях играть. Как, впрочем, и на добрых их качествах. В этой гонке за призраком счастья добросовестные люди уже заранее обречены на отставание» (Шиманов Избыток собственности опьяняет ум человека 2013: 539).

«Да и как можно быть действительно верующим христианином, не богословствуя при этом в меру своего понимания жизни?» (Шиманов Нужна двусторонняя сосредоточенность человека 2013: 830).

«История (как наука) без историософии — это то же самое, что тело без души» (Шиманов Что такое история и зачем она нужна Богу и людям 2016: 611).

«Космополиты, эстеты, безбожники, имморалисты, эмансипаторы и продавцы чадящих, но патентованных за рубежом вечных двигателей — вот бичи современного мира, вот разновидности паразитов, облепивших с разных сторон наше русское дерево жизни. Они все провозглашают свободу, но забывают о долге перед своими ближними, перед своей семьёй, перед своим народом, перед своим государством. Но свобода, понятая как отрицание долга, есть свобода только по внешности, в действительности это самое низкое раболепство перед своими страстями, это рабство низшему миру» (Шиманов Отрывки из дневника 2013: 140–141).

«Но подлинная смелость сегодня заключается в том, чтобы сказать, что в погоне за гражданскими правами человечество потеряло гораздо

больше, чем выиграло. Выиграло оно относительно прочные полицейско-юридические гарантии для своего индивидуального проживания, а потеряло при этом всё остальное: религию и семью, национальную культуру и здоровую государственность. Так не пора ли нарушить декадентскую моду постоянного фрондирования перед своим Государством? И не пора ли утвердить верноподданническую атмосферу как единственно спасительную для нашей страны?» (Шиманов Как относиться к советской власти 2013: 203–204).

«Что такое самые мощные лёгкие оратора по сравнению с радиостанцией, вещающей на весь мир?.. Ничто!.. А что такое рукописная книга по сравнению с изданной массовым тиражом? Тоже ничто. И даже книга, размноженная в тысячах экземплярах, по сравнению с бесконечными потоками других книг — лишь слабый всплеск среди шумных вод. В современном мире эффективность идеи зависит не столько от её собственной значимости, сколько от мощи технических средств, определяемых в конечном итоге величиной капитала. Господствуя над средствами массовой информации, плутократия выступает в концерте идей в качестве закулисного дирижёра, чья золотая палочка определяет, кто должен вещать постоянно, громко и самым обворожительным голосом, а кто — только попискивать отвратительно время от времени» (Шиманов Псевдодемократическое правосознание 2013: 380).

«Иллюзия того, что современные русские умы достаточно развиты, поддерживается верой в превосходство былой советской системы образования над иностранными системами образования. Поэтому успевшие получить советское образование имеют высокое мнение о состоянии своих умов. Но они не догадываются о том, что советская система образования, дававшая своим воспитанникам обильные знания о природе и технике, лишала их самой главной науки, без которой все остальные знания бессильны. Она лишала и лишила их науки о смысле человеческой жизни и правильном её устройении, без которого невозможно правильное устройство общества. Советская система образования лишила их знаний и способности мыслить о Боге, о человеке, семье и своём народе. Или, точнее, дала о них ложные представления, почему и сделала своих воспитанников беспомощными в организации личной и общественной жизни.

Нынешнее жалкое состояние русского народа это закономерный результат советской системы образования» (Шиманов Апология русских собраний 2013: 927).

Конечно, далеко не всё, написанное Шимановым, столь же глубоко и афористично. Мы привели здесь, пожалуй, самые замечательные его высказывания, но ведь и это немало! Хотя бы эти «избранные места» показывают, что Шиманова стоит помнить, изучать и вписывать его в историю русской общественной мысли второй половины XX — начала XXI века, пусть и не самыми большими буквами.

Впрочем, по поводу собственно литературной одарённости Шиманова стоит заметить, что хороший слог на письме для мыслителя не главное. Кстати, когда за рубежом вышли его «Записки из красного дома», то протоиерей Димитрий Дудко посоветовал ему стать писателем, поскольку почувствовал в его книге художественную жилку. Но Шиманов ответил, что его всегда занимал только мир идей, и его совету не последовал⁹.

Так какие же идеи Шиманова стоит помнить сегодня и почему? Безусловно, он интересен для истории общественной мысли как яркий пример в совсем недавнем прошлом (и даже в нашем настоящем) таких течений, как христианский социализм и русский национализм. Его взгляды вполне можно было бы даже характеризовать как социал-национализм, если бы не плохая память, связанная с сочетанием этих двух терминов. При этом, конечно, никаким фашистом Шиманов и близко не был. Его воззрения хоть и имели, если говорить откровенно, антисемитскую составляющую, но никак не были связаны с агрессией в адрес других народов, с идеями расового и национального превосходства над кем-либо, без чего фашизма в принципе быть не может.

«Квантованность» человечества на нации, русский национальный вопрос, общинность, антикапитализм были постоянными составляющими его воззрений. Однако здесь нас сейчас преимущественно интересует та его идея, которая и вызвала столь обеспокоенный отклик у Синявского и Янова. На наш взгляд, эта идея, обстоятельства её появления, полемика вокруг неё и очевидный окончательный крах её как проекта-предсказания очень важны для нашей сегодняшней исторической рефлексии на тему, почему кризис СССР кончился его распадом и гибелью, победой буржуазно-либеральной революции (или контрреволюции).

Итак, начнём с того, что где-то к началу 1970-х годов Шиманов вырабатывает своё, достаточно оригинальное понимание природы

⁹ Воспоминания Шиманова. Часть II. Отец Димитрий Дудко//Сайт «Геннадий Шиманов. Работы разных лет». — URL: http://shimanov.narod.ru/Vospominaniya_2.htm (дата обращения: 29.09.2023).

и исторической роли советской власти, нетипичное для тогдашней диссидентской среды. С одной стороны, в той исторической обстановке оно выглядело как парадокс, и Шиманов даже для большинства диссидентов стал маргиналом (что уж тут говорить про остальную социум, получается некий маргинал в квадрате) и получил репутацию чудака. Кстати, как он сам потом вспоминал в 2010 году, *«нам, православным сторонникам СССР, доступ в советскую прессу был закрыт, как и в антисоветскую»* [курсив Ю. П.] (Шиманов О капитализме 2013: 402).

С другой стороны, историческая логика, согласно которой рассуждал «маргинальный» Шиманов, как бы напрашивалась сама собой, и поэтому не даром, почуяв опасность, эти его идеи и приняли в штыки прозападные лидеры диссидентского движения, такие как А. Янов и С. Синявский.

Итак, Шиманов, как и многие диссиденты, предвидит достаточно скорый крах СССР, но выход из исторического тупика видит не в установлении либеральной демократии и так называемого правового государства с его стандартным набором «свобод личности», а в новой теократии. Советская власть, начиная утверждать он тогда и повторит это в своих работах, не только безбожие и величайшая в мире гроза, но и некий поучающий и указующий Бич Божий. «Это также и некая тайна, и орудие Божьего Промысла. Выступать против нашей власти значит идти против Бога <...> Конечно, Советская власть это жёсткая штука, кто спорит. Но мы обязаны её принять и вытерпеть. Не менее жёсткими были и другие режимы в иные времена, даже христианские. Так что не будем преувеличивать теперешние трудности. Неумение терпеть есть знак духовной несостоятельности» (Шиманов Заметки из дневника 2013: 143).

Достаточно трезво он добавляет, что в целом, увы, практически невозможно в этом мире власть без греха. Но ведь и мы грешны тоже, замечает Шиманов.

Более того, он утверждает, что советский строй обладает «сокровенно религиозной природой» (Шиманов Письмо патриарху Пимену 274). Поэтому:

Правильно понятые интересы Церкви и Советского государства — едины. Они в созидании подлинно человеческого общества на земле. Но, кроме того, они едины ещё и в силу особенностей нашей истории. Советскому государству по глубочайшей сути дела НУЖНА Православная Церковь и НЕОБХОДИМО грядущее преобразование нашей страны в православнотеократическом духе, ибо только такое преобразование оправдает и спасёт Советскую власть от беспощадного приговора истории. Но

нельзя умолчать о том, что и православию, находящемуся ныне в параличе, НУЖЕН религиозно-исторический феномен Советского государства для своего торжества в истории, ибо в нём, в этом феномене, центр исторического богочеловечества и начало всемирного изживания секуляризма, в нём возрождённый в новой силе институт государственности, буквально жаждущий (институт!.. но пока не его функционеры) наполниться самой положительной религией для служения Церкви и людям (Шиманов Письмо патриарху Пимену 273–274).

Русские люди, говорит он, не в глубине своей, а только на поверхности стали безбожниками (Шиманов Три открытых письма Н. А. Струве. Письмо первое 120). Катаклизмы и болезненные перемены, которые совершились в русских людях в результате революции, по Шиманову, не затронули подлинного народного ядра. «Святая Русь ушла с поверхности современной жизни, но продолжает жить в её сокровенной глубине...» (Шиманов Три открытых письма Н. А. Струве. Письмо первое 2013: 125).

Шиманов, как и многие тогда, видит, что революционный энтузиазм и запал уже необратимо иссякли, что советский коммунизм духовно уже мёртв. Но в то же время, считает он, советская власть «не может отказаться от грандиозности своих задач, ибо иначе надо будет держать ответ за напрасные жертвы, которым поистине нет числа. Но в чём же тогда Советская власть сможет найти своё оправдание?.. Только в той мысли, что в прошлом она была бессознательно инструментом Божиим для построения нового христианского мира, а ныне является таким инструментом вполне сознательно» (Шиманов Как понимать нашу историю 2013: 185).

Шиманов выступает против демонизации Советской власти, призывает отнестись к ней спокойно и трезво, без привычной либерально-диссидентской аффектации. Он говорит, что её природа, «вопреки распространённому мнению, не является природой сатанинской, но природой человеческой со всеми характерными для людей заблуждениями, колебаниями и изменениями» (Шиманов Как понимать нашу историю 2013: 185). С другой стороны, считал он тогда, её по сути самодержавный строй и максималистский прицел делает из неё наиболее подходящий, наилучший инструмент в руках Божиих для создания новой православной теократии.

Он даже говорил о «необходимости православизации советского государства» (Шиманов Как понимать нашу историю 2013: 229), о том, что это единственно возможный вариант действий для выживания страны.

Почему он считал такой вариант практически неизбежным? Откуда была эта очень наивная, как видно из сегодняшнего дня, надежда? Шиманов в одной из своих работ середины 1970-х в пользу предполагаемого им варианта событий перечисляет ряд причин, которые в сумме, в совокупности как бы создают критическую массу: это «очевидный крах коммунистической утопии, <...> из которого надо как-то с достоинством выходить»; «ничтожество имеющихся западных путей, не способных привлечь к себе никаких симпатий». Также надвигающийся индустриально-экологический кризис заставляет искать пути к цивилизации иного типа. К тому же добавляется «военная опасность со стороны Китая, которую можно блокировать лишь патриотическим энтузиазмом и поддержкой со стороны всего возрождённого Христианства нашей Земли». Ещё один пункт — «внутренние процессы буржуизации и духовно-нравственной деградации, которым надо не на словах, а всерьёз противостоять <...> И вот всё это должно толкать Советскую власть сначала к частичным и половинчатым переменам, а затем к решительным — перед лицом государственной катастрофы» (Шиманов Как понимать нашу историю 2013: 184–185).

Более того, вызывающим образом, так что современным читателем это может восприниматься как эпатаж, он предполагает «грядущую трансформацию Коммунистической партии в Православную партию Советского Союза» (Шиманов Идеальное государство 2013: 232).

КПСС — в ППСС. Шиманов словно находит тот архимедовский рычаг, который должен перевернуть Землю. Правда, совершенно в тени остаются два «маленьких» вопроса. Как же, каким, собственно, образом может коммунистическая партия, КПСС стать православной партией? Что для этого нужно, какие механизмы и средства? И второй вопрос: а достаточно ли крутой смены правящей идеологии, даже если она вдруг и возможна, чтобы вслед за этим в реальности круто развернуть и всю страну?

Не замечая эти вопросы, Шиманов рассуждает словно сомнамбула. Тогда, говорит он, когда КПСС вдруг станет ППСС, мы получим «действительно идеальное государство, свободное как от пороков и преступлений старых языческо-христианских государств, так и от пороков и преступлений нынешнего, духовно ещё не просветлённого, Советского государства.

И как ни нелепо в наше время подобное предположение, слишком многое говорит за то, что иного пути у нас нет и что так оно и получится. Советское государство, начавшееся, как и любое другое, с беззакония, станет в конце концов законностью совершенной и, в качестве таковой,

откроет новую эру в истории человечества» (Шиманов Идеальное государство 2013: 232).

Сегодня очевиден утопизм тогдашних шимановских суждений о несомненном православном будущем советского государства. Утопична, впрочем, прежде всего, и сама постановка вопроса об идеальном государстве, свободном от исторических пороков и преступлений. Шиманов считал, что возможно в реальности достичь идеального государства. В этом выражается какая-то духовная нетрезвость, которая, возможно, отчасти объясняется советским происхождением Шиманова, пламенным коммунизмом его юности. Слишком многое возлагать на социальное и слишком многого ждать от него, верить, что общая земная жизнь может до конца руководствоваться Идеей, — это платоновская традиция. Сполна и по своему она выразилась в советской эпохе, и даже в диссидентах, которые воевали с советским строем, но которые росли и формировались при нём и в нём.

Шиманов не прописывает конкретные пути или механизмы, политические и идеологические, благодаря которым могла бы произойти такая трансформация, то, как именно КПСС вдруг превратилась бы в ППСС, а СССР — в православную теократию. Всё ограничивается абстрактными историософскими соображениями высшего порядка и убеждением в том, что поскольку власть компартии самодержавна и всепроникающа, то стоит только её руководству захотеть, и оно может развернуть общество в ином, правильном направлении. Мы, по крайней мере, конкретных соображений в текстах Шиманова о путях перехода к теократическому государству не нашли.

Однако... нет ли и какого здравого зерна в этих его насквозь утопических рассуждениях? Тогдашняя логика историософских рассуждений Шиманова по поводу советского периода и его будущего, пусть абстрактная и предельно схематичная, словно нарочито слепая к подробностям, во многом соответствовала логике прежней русской истории. Россия как страна самодержавная, где православие было господствующей религией, стала затем страной коммунистической. И этот переход-срыв произошёл неслучайно, у него есть своя логика.

В оптике Шиманова у советской власти слишком много минусов. Это власть атеистическая, безбожная, хотя в глубине она якобы продолжает нести огонь веры. Тогда следует вернуться к православному государству, к теократии, но новой, обновлённой, с учётом ошибок

прошлого, а в советском периоде тоже увидеть закономерную историческую фазу.

Однако утопизм тут выражался не только в том, что считалось возможным вернуться в прошлое как бы без потерь, к самодержавной стране, как раньше. Утопизм выражался в том, что он считал, что можно выйти на *новый исторический, идеальный уровень*. Это будет, по его мысли, обновлённая, радикально улучшенная теократия, с учётом тех ошибок, которые якобы допустили в прошлом «историческое христианство» и «историческая церковь». И тогда это будет общество без пороков и недостатков, которые существовали в обществе дореволюционной России и которые якобы и породили революцию. В этом сказалась связь шимановского утопизма с его так называемым социальным христианством, о чём мы подробнее скажем ниже.

Тем не менее хочется отметить и некоторые трезвые наблюдения и предвидения Шиманова того периода. Они заслуживают внимания. Например, он достаточно точно предсказывает, какие катастрофические для Советского Союза последствия может иметь либерализация для национального вопроса и межнациональных отношений, что она неминуемо означает распад многонационального государства: «Слепые вожди слепых, они не знают, к какому кровавейшему обвалу в России приведёт их будто бы безобидный либеральный эксперимент, окажись он удачным. Совершенно очевидно, что следующей фазой за либерализацией в нашей стране была бы не тишь и гладь “со свободным выездом за границу”, как ещё многие представляют себе, но быстрый рост самых крайних болезненно-националистических движений, с которыми либеральное государство справиться не в состоянии. А в результате — массовые избиения русских на окраинах и ответные избиения инородцев в коренной России, нарастающий кровавый хаос и окончательный развал как раз накануне чудовищной экспансии со стороны Китая. Неужели так трудно понять, что такая многонациональная страна, как Советский Союз, не может не дать самоубийственного взрыва на путях совершенно чуждой ей либеральной гражданственности?» (Шиманов Как относиться к советской власти 2013: 203).

Под «слепыми вождями слепых» он имел в виду, как он говорил, «цивилизованных дикарей» вроде диссидента Андрея Сахарова и его сторонников, либералов русского и нерусского происхождения, которые равнодушны к православной вере или едва только к ней прикоснулись и потому проникнуты иными стихиями. Нельзя отказать Шиманову

в едкой меткости его характеристик Сахарова, этого божка либеральной интеллигенции, «номинально русского человека, то есть космополита», сумевшего «создать советскую водородную бомбу, а вот дойти до мысли о Боге так и не сумевшего» (Шиманов Как относиться к советской власти 2013: 202). Преклонение перед Сахаровым в диссидентской среде было практически всеобщим. Поэтому Шиманов в своём письме В. Н. Осипову с упрёком пишет, что даже он, будучи редактором патриотического журнала «Вече», предпочёл закрыть глаза на «очевидную связь между безбожием и космополитическими убеждениями акад. Сахарова, с одной стороны, и его специфическим подходом к гражданским вопросам, с другой» (Шиманов Как относиться к советской власти 2013: 202). Где-то с начала семидесятых также одним из постоянных мотивов у Шиманова становится критика прозападной интеллигенции и либерального диссидентства.

Интересно, что Шиманов критикует и Солженицына, в частности его «Письмо вождям» — за неизжитые демократические предрассудки, и его критика кажется весьма уместной. Что именно Шиманов вменял Солженицыну? Во-первых, то, что он в то время критиковал Запад лишь за его слабость и неумение жёстко противостоять коммунизму, но не за его духовную неправду. Во-вторых, за мнение о «неподготовленности» России к демократии и многопартийной парламентской системе (что подразумевает, что хорошо бы быть к этому готовым, что это вершина и цель исторического развития). В-третьих, за требование, чтобы государство отказалось от марксистско-ленинской идеологии ради «свободной колосьбы мыслей», а не ради другой, более правильной идеологии.

По Шиманову, представление, будто атмосфера «свободы мнений» и «свободы творчества» является наилучшей для вызревания истины и большого искусства, это предрассудок, от которого следует отказаться. «Наоборот, необходима известная суровость, известное сопротивление общественной среды, чтобы плоды оказались добрыми» (Шиманов Как понимать нашу историю 2013: 188). Он говорит, что если идеократическое государство откажется от идеологии ради анархической «колосьбы мыслей», то попросту покончит с собой:

«Это значит выдернуть из-под себя фундамент и затем развалиться через самое короткое время. Марксистская идеология, как она ни безжизненна во многих отношениях, является тем не менее основой нашего Государства. И если его существование имеет положительный смысл, то надо заботиться не о том, чтобы марксизм был механически отброшен,

а о том, чтобы он был трансформирован самой жизнью и творчески изжит. Здесь имеется громадная разница, которую Солженицын не сумел почувствовать» (Шиманов Как понимать нашу историю 2013: 189). В-четвёртых, он критикует Солженицына за призыв разрешить советским народам выходить из состава СССР. Здесь национальный вопрос, замечает Шиманов, снова ставится в демократическом ракурсе. У Солженицына нет «ни слова о том, что, может быть, Советский Союз это не механический конгломерат разнородных в этническом и религиозном отношении наций, “случайно” попавших в орбиту России, а мистический организм, состоящий из наций, дополняющих взаимно друг друга и составляющих во главе с русским народом малое человечество — начало и духовный детонатор для человечества большого» (Шиманов Как понимать нашу историю 2013: 189).

Более всего Шиманов тогда предостерегал от осуществления либерального эксперимента в СССР, говоря о том, какие негативные последствия он будет иметь не только в межнациональном вопросе, но и для сохранения народа, для всей страны в целом, и даже для будущего Церкви. По поводу того, что Церкви принесёт победа либерально-буржуазной революции, он проникательно замечает: «Теперешняя в меру суровая атмосфера является, вопреки истерике “демократов”, не только вполне сносной для жизни, но даже более того — единственно здоровой для пробуждения и роста религиозного сознания. А это самое главное. Пока существует Советская власть, остановить религиозное возрождение в нашей стране невозможно. Остановить его может только одно — внезапный обвал, внезапная либерализация чехословацкого образца, т. е. западная демократия со всеми её прелестями. Случись такое — и сразу же откроется множество церквей, приток людей в Церковь резко увеличится, но на этом, увы, скоро всё и закончится. И захиреет. Это будет выкидыш. И Россия вместо того, чтобы сказать своё слово миру, вместо того, чтобы стать источником величайшего света и обновления в мире, станет захолустьем Запада» (Шиманов Отрывки из дневника 2013: 144).

После своего отхода от диссидентско-либеральной среды Шиманов считает, что выступать вместе с Западом против СССР означает работать только на Запад и оказаться у него в настоящем плену. Он был уверен, что если СССР рухнет, то ему на смену советскому режиму придёт режим, гораздо более агрессивный по отношению к русскому народу и подлинному православию. Он даже восклицает (не без доли и самокритики): «Чего

я боюсь, так это внезапной либерализации, той самой “западной демократии”, на которую так надеются и которую так ждут в нашей стране некоторые интеллигенты. Близорукая, бездарная мечта! Но ещё вчера она была и моею мечтою» (Шиманов Отрывки из дневника 2013: 144).

С начала 1970-х и вплоть до самого конца своей жизни он всегда был настроен резко антизападно. Объясняя этот свой настрой, он говорит о нездоровой чувственности и страстности современной ему западной цивилизации, об обращении воли и разума западного человека преимущественно к внешнему.

Итак, по Шиманову 1970-х — первой половины 1980-х, коммунистический режим более предпочтителен, чем режим буржуазно-либеральный. Он говорит, что «идеал либеральной, просвещённой и эмансипированной Европы России есть идеал не менее ложный, чем идеал пролетарского государства, предназначенного для перестройки всего мира по-коммунистически» (Шиманов Москва — Третий Рим 2013: 212). По Шиманову, как ни странно, эта последняя задача, при всей её абсурдности, гораздо полезнее в исторической перспективе, потому что на этом пути можно быстрее убедиться в ложности взятого курса, «чем на пути липкой полу-правды и липкой полу-нравственности, которые подобны громадному омуту, затягивающему в себя человечество» (Шиманов Москва — Третий Рим 2013: 212). Октябрьская революция, казалось бы, почти мгновенно утянула Россию на самое дно этого омута, но зато там, говорит Шиманов, «всё (или почти всё) обнажено неправильно и разрушительно», зато там «есть та твёрдая неправда, от которой можно оттолкнуться, пока есть ещё силы, не растраченные на утомительную борьбу, неизбежную при медленном погружении» (Шиманов Москва — Третий Рим 2013: 212). В связи с этим он вызывающе утверждает, что Москва не перестала быть Третьим Римом оттого, что в России произошла Октябрьская революция. Наоборот, по Шиманову того времени, именно благодаря этой радикальной революции Москва (т. е. Россия) сохранилась как Третий Рим, осталась им в истории.

Тут надо оговорить и даже подчеркнуть, что Шиманов настаивал на необходимости лояльности советскому государству не за страх, а по совести, но с внешних советской власти позиций. Да, он был христианский социалист, но он не был при этом ни коммунистом, ни православным коммунистом, ни даже национал-большевиком. Это очень важно! То, что можно было быть советским консерватором, желать сохранения СССР и его плавной трансформации в некоммунистическое государство, будучи

совсем не советским по своему мировоззрению и убеждениям человеком, по-своему показывает хотя бы минимальную возможность для СССР не катастрофического развития.

ПОЧЕМУ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ ПОШЛА НЕ ПО-ШИМАНОВСКИ

Как мы уже говорили, сегодня очевидна утопичность и чрезмерный оптимизм тогдашних надежд идей Шиманова — по сравнению с тем, как реально развивалась история. Твёрдая неправда куда-то растворилась, рассосалась сама собой, и на её месте в конце 1980-х — начале 1990-х вдруг оказалось то самое болото «липкой полу-правды и липкой полу-нравственности». Почему советская история стала развиваться совсем не по-шимановски? Надо думать, причина этому — не только социальная маргинальность и отдалённость от властных кругов нашего автора-диссидента, незнание им того, какие реальные настроения царили тогда наверху. Он был уверен, что советские властители будут заинтересованы в сохранении державы, не смог в силу своего незнания реальной партийной атмосферы предвидеть капитуляцию и самороспуск «первой социалистической страны».

Но были и другие причины. Шиманов, на мой взгляд, явно переоценил идеализм советской системы и недооценил скрытые внутри неё буржуазные элементы. К 1970-м годам стало очевидно, что коммунизма и скорого «светлого будущего» не будет. Первоначальный исторический энтузиазм схлынул, наступила усталость от предельного напряжения сил, которое не дало того, что обещали. Однако господствовавшая материалистическая идеология ориентировала сознание людей на формирование у них потребительского сознания, на представления о комфорте и массовой материальной обеспеченности жизни как необходимом критерии правильного общественного устройства. В то же время Запад стал восприниматься как безусловно обогнавший СССР и «мировую социалистическую систему» по этому *condition sine qua* Новейшего времени. Партийная верхушка тайно, а интеллигенция практически открыто начали переходить в новую веру, только не православную, а либеральную. Выдохнувшийся коммунистический режим практически из своих недр породил либерально-буржуазную революцию.

Но Шиманов этого не понимал — того, что либерализм (и неразрывно связанный с ним капитализм) и социализм как идеологии во многом имеют общие корни. И это необходимо распространяется и на советский социализм. Кажется, это Лех Валенса сказал, что социализм — это всего

лишь слишком долгая дорога к капитализму. Своего рода историческая «загогулина» на пути к нему.

На мой взгляд, Шиманов слишком верил в разумность истории, и в частности в то, что на деле можно достичь общества, близкого к идеальному (или истинно христианскому). В этом он вполне был социалист и одновременно последователь Достоевского, который верил в реальную возможность всемирной гармонии на Земле (см. его знаменитую «Пушкинскую речь» и критику её К. Н. Леонтьевым). При таком умонастроении не берётся в расчёт христианская аксиома, что общество, т. е. «мир во зле лежит» и всегда будет лежать, более или менее. Если бы наличный человеческий мир, общество, могло стать просветлённым и просвещённым, истинно христианским, то зачем нужна Церковь? Она как сообщество есть единственная реальная альтернатива лежащему во зле миру.

Шиманов был во многом идеологом, в том неважном значении этого слова, что он верил в возможность практически полной управляемости общества идеями и идейными планами. Характерным образом он считал: «Вопреки расхожим словам о том, что “каковы люди — таково и общество”, характер общества зависит не только и даже не столько от характера его членов, сколько от той или иной идеи, заложенной в его основание. Если эта идея правильна, то под её влиянием и плохие люди будут меняться в лучшую сторону. А если в основание общества заложена идея ложная, то даже хорошие люди начнут под её влиянием портиться и превращаться в людей всё более плохих. Что бывает особенно заметно при смене поколений» (Шиманов Два условия действительного возрождения христианства в России 2013: 846).

Тут, на наш взгляд, неверно не то, что людям нужно руководство, что сами по себе они слабы и нестойки в своём большинстве. Да — слабы, нестойки, непостоянны. Да, это так. Однако проблема в том, как Шиманов понимал появление и существование в обществе руководящей идеи. Что это не нечто, достаточно медленно и органически прорастающее в почву истории, охватывающее общество самыми разными нитями и путями — политическими, экономическими, культурными. Шиманов считал, что это можно быстро и скоро вести, причём с верхушки, путём декретов, как бы учредив новый идейный план-расписание.

Наивная уверенность Шиманова в возможности быстрого идеологического переворота выразилась в том, что он верил в реальную возможность того, что советское общество можно перестроить на христианский лад, стоит только правящим кругам этого сильно захотеть. Потом, когда

советская история пошла совсем не по-шимановски, то его понимание советского как феномена, если говорить прямо, заметно ослабло, потеряло своё качество. Шиманов словно растерялся от того, что его ожидания так сильно разошлись с реальностью. Место парадоксальных наблюдений, которые отчасти играли роль интеллектуальных провокаций, заняла провокационная конспирология. Исторический провал СССР Шиманов стал объяснять еврейско-масонским заговором, как бы окончательно съехав на знакомый ему шаблон. Его и без того болезненный антисемитизм приобрёл практически гротескные формы. По свидетельствам знавших его людей, он доброжелательно и с интересом относится к конспирологии. Он даже марксизм и Октябрьскую революцию стал объяснять заговором тёмных сил, которые намеренно решили заранее дискредитировать социализм, чтобы он больше никогда не мог осуществиться в мировой истории: «Профессиональные революционеры, при всех их знаниях и способностях, не подозревали о том, что являются только пешками в большой политической игре хозяев мировых денег. Эти хозяева хотели руками революционеров-марксистов вырвать с корнем Христианство из русского народа, лишить его национального сознания, разрушить русскую семью и, как следствие, уничтожить русский народ»¹⁰.

Поэтому и о советском социализме в целом Шиманов стал высказываться гораздо критичнее. Уже *post factum* он признаёт, что советский социализм был сложным и внутренне противоречивым явлением, которое невозможно описать несколькими словами. «Но именно по этой причине нельзя, отмечая его достоинства, которые были тоже огромными, забывать о том, что марксистская гниль гнездилась в самом его идейном фундаменте. Не будь её, советский социализм не сгинул бы так быстро и бесславно»¹¹.

Теперь Шиманов уже не считает, что советское государство было антирелигиозным лишь на поверхности. Порча всё-таки затронула и в глубину. Главное противоречие в советской идеологии, по Шиманову, теперь заключалось в том, что христианская мысль о построении справедливого общества оказалась грубо искажённой антихристианским пониманием природы такого общества. И методы его построения тоже были грубо искажены «антихристианским складом ума большевиков».

¹⁰ Шиманов Г. М. О советском социализме. — URL: http://shimanov.narod.ru/sh_o_sovetskom_socializme.htm (дата обращения: 29.09.2023).

¹¹ Шиманов Г. М. О христианском социализме. — URL: http://shimanov.narod.ru/o_hristianskom_socializme.htm (дата обращения: 27.09.2023).

ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ ШИМАНОВА

Между тем, несмотря на поздний более критический настрой Шиманова по отношению к советскому государству, он всё равно как был, так и остался, во-первых, русским националистом и, во-вторых, христианским социалистом. Социализм — неременная важная составляющая его идей. Причём он считал, что социализма требует само христианство, что это христианская идея. «Социализм есть условие возрождения христианства. Но он сам зависит от раскрытых и ещё недостаточно раскрытых истин Евангелия. Социализм есть неосуществлённые в истории потенции Евангелия» (Шиманов *Нельзя победить Кашеево царство, не имея здоровой ему альтернативы* 2013: 651).

Также характерным образом он, например, говорил следующее: «Если бы христиане были разумными людьми, они анафематствовали бы капитализм (мысль об анафематствовании капитализма принадлежит покойному Ф. В. Карелину)» ((Шиманов *Нельзя победить Кашеево царство, не имея здоровой ему альтернативы* 2013: 650).

Однако его глубокие социалистические убеждения наложили очень сильный критический отпечаток на понимание Шимановым христианства и Церкви. В идеях Шиманова всегда одной из самых главных тем была тема необходимости социальной, общественной реализации христианства. Для него социально нереализованное православие — без предполагавшегося им обязательным непосредственного воплощения евангельских истин в общественной жизни — неполноценно. Как реалистичные Шиманов ставил задачи создать «истинно христианское общество» и «праведную социальную систему» (Шиманов *Нельзя победить Кашеево царство, не имея здоровой ему альтернативы* 2013: 636).

Надо признать, что Шиманов всё же был представителем не совсем ортодоксального понимания христианства, так называемого социального христианства. В связи с этим он постоянно упрекал Православную Церковь в том, что она не выработала своего социального учения (Шиманов *У нашей церкви нет своего социального учения* 2013). Смежным предметом такой его социальной критики была историческая дореволюционная Россия. С позиций озабоченного националиста он говорил об ущемлённом, принижённом положении русского народа при царях.

Также он порой либо подчёркивал своё принципиальное равнодушие к теме монархии, либо даже допускал своего рода антимонархизм, резко критикуя романовскую монархию за её якобы «антинародную» политику.

Конечно, такого рода отношение и восприятие берёт исток не в церковном учении и настроении, а в тех или иных идеологических пристрастиях, когда земное и забота о нём выходят на первый план.

В целом всё это тоже можно назвать социальным христианством. Поскольку собственно социальное содержание носит чрезмерный характер. Почему чрезмерный? Потому что преимущественное внимание в адрес одного неизбежно оборачивается небрежением в адрес другого. Если ты очень озабочен устройством земных дел, забывая о том, что мир во зле лежит, это может обернуться тем, что задача спасения души (души, а не мира) станет фактически задачей второго плана. Зачем вообще думать о Небе и готовиться к нему, если ты уверен в реальности земного праведного общества? Шиманов же даже говорил о том, что рано или поздно будет иметь место «социальная святость» (Шиманов Тема для размышлений 2013: 393). Конечно, это, мягко говоря, сильное смещение приоритетов с точки зрения традиционного православия.

В контексте своей идеологической ангажированности Шиманов даже требовал от «руководителей РПЦ» ответить «на один из самых острых и важных вопросов, волнующих граждан современной России. На вопрос о том, какой общественный строй они считают наилучшим, а какой наихудшим. И почему» (Шиманов Два условия действительного возрождения христианства в России 2013: 844).

Шиманов не понимал, что идеология как феномен и христианство в принципе сущностно не согласуются друг с другом. Ведь любая идеология, в том числе и социализм, в своих основаниях носит антихристианский характер — как попытка человечества надёжно устроиться на Земле в опоре лишь на свой разум и свои силы, на науку и технику.

Шиманов со своей стороны говорил, что социализм без Бога невозможен. Или что социализм, понятый по-православному, означал бы общество, «в котором каждый имел бы минимум необходимых для жизни условий, освобождающий его для высшей жизни. Для дум о Боге и созданном Им мире. И для служения Богу в Его мире <...> Это, выражаясь образно, такой порядок вещей, когда человек за столом не хватается лучший кусок, а берёт худший, чтобы лучший кусок достался самому слабому или самому недогадливому» (Шиманов Заслуга Н. В. Сомина 2013: 631–632). Однако если такое сообщество людей и такие порядки, к сожалению, эмпирически невозможно увидеть даже в отношении большинства верующих людей, регулярно ходящих в храм, то как это

можно осуществить в отношении целого общества, всех составляющих его людей?!

Шиманов, анафематствуя капитализм, говорил, что правота социализма заключается в том, что нельзя одновременно служить Богу и мамоне, полноценным воплощением которой капитализм и является. Однако мамона может быть разной. И социализм как идеология заключает в себе явные элементы мамоны, только речь идёт не об индивидуальном, а коллективном, общечеловеческом богатстве.

Конечно, социализм, по Шиманову, обладает и явными христианскими чертами. Судя по рассказам знавших его людей, и сам он вёл достаточно аскетическую жизнь. Однако чрезмерная озабоченность социальным вопросом вносит сильное обмирщение в христианство, сильно искажает шкалу религиозных приоритетов. Это своего рода вымывание трансцендентного вопроса о спасении души, о личном спасении как главного. Некая подмена его вопросом о спасении мира — традиционный, кстати, мотив и соблазн русской религиозной философии, который выражался в преувеличенной заботе о социальном. Это характерное представление, что можно и на Земле полностью организовать жизнь на разумных началах, близких к христианским. Всё государство, всё общество, весь мир становится тогда Церковью. Но такое настроение — забвение той истины, что на Земле, в этой жизни возможны только временные ухудшения и улучшения, но не радикальное её преобразование в иной, лучший мир высшего онтологического порядка.

Так называемая историческая Церковь, по Шиманову, виновна в том, что не выработала учения об обществе, доктрины о том, как должна быть устроена социальная жизнь, поскольку имеет место «невыработанность православной теории общества». В такой критике содержится презумпция, что выработай Церковь подобное учение, и общественная жизнь приняла бы совсем другой, гораздо более разумный и правильный характер, что в принципе возможен, как говорил Шиманов, «праведный социальный строй жизни на земле» (Шиманов Два условия действительного возрождения христианства в России 2013: 845).

Однако фокусировка на земном неизбежно обернётся расфокусировкой на Небесном. К тому же тот, кто чрезмерно заботится о земной жизни, всё равно никогда не достигает желаемого результата. Эта жизнь всегда будет жизнью страдания, более или менее, её принципиальное исправление невозможно. Возможны лишь паллиативы к ней, временные облегчения, но не более, на фоне главной задачи — подготовки к жизни загробной.

В этом контексте упрёк Шиманова, что «равнодушие руководителей Церкви к праведной социальной идее делает Церковь бесплодной по отношению к обществу» (Шиманов Два условия действительного возрождения христианства в России 2013: 848), бьёт мимо цели. Восприятие социальных вопросов как достаточно второстепенных не означает равнодушия к людям и обществу в целом. У Церкви просто другие методы и способы воздействия на людей. Это проповедь Евангелия, это ежедневные в храмах исповеди и причастия. Это основное, что может людей (а значит, и общество в целом) сделать лучше и нравственнее, направить их к праведности.

С другой стороны, в критике Шиманова церковного руководства было, на наш взгляд, и зерно правды. Когда он, например, призывал не давать церковных орденов разным сомнительным лицам и не попадать в зависимость от богатых людей, что грозит дискредитацией и Церкви, и церковного руководства в глазах рядовой паствы. Ведь в случае такой зависимости «её клиру становится нелегко удержаться от оправдания деятельности своих благодетелей, имеющей капиталистический характер. При такой зависимости от христиан-капиталистов приходится не только оправдывать капитализм фактически, но даже, как можно предположить, молиться о коммерческих успехах своих благодетелей» (Шиманов Два условия действительного возрождения христианства в России 2013: 850).

Впрочем, в целом отметим, что христианский социализм носит у Шиманова достаточно умеренный характер. Это выражается, например, в признании им необходимости мелкой частной собственности в обществе. Но главное — это центрированность и сосредоточенность позднего Шиманова на семейном и национальном вопросах. Он с болью пишет об идущем разрушении семьи в русском народе, считает, что русский народ просто исчезнет, если не остановить это разрушение. А ведь социализм — это эмансипационное движение и в семейном смысле, настаивающее на женском равноправии. Однако Шиманов категорический противник женского равноправия и принципа демократии в семье, верно считая, что это ведёт к разрушению семьи как общественного института и основы общества. Так что в семейном вопросе Шиманов был, пожалуй, не социалист, или не совсем социалист. Правда, он говорит, что условие существования христианской семьи — жизнь в общине, в огромном коллективе, который общинно защищает и хранит и семью, и национальную религию. Однако он очень сильно отходит от социалистических канонов, когда говорит, что необходимо отчётливое понимание супругами иерархической природы

брака, разрушенное в наше время почти полностью. «Согласно православному вероучению, жена сотворена Богом равной мужу по своей человеческой ценности, но не равной ему по своей роли в общей их жизни. Она создана помощницей и советницей своего мужа, но не равной ему по власти в семье. И только при таком сочетании равенства и неравенства между супругами возможны лад и любовь» (Шиманов Здоровая семья как условие национальной безопасности России 2013: 888).

Много раз Шиманов повторяет и повторяет, что иерархия является условием семьи как единого целого. Называет нарушение принципа иерархичности в семье второй после безбожия причиной разрушения семейной жизни.

В своих рекомендациях и советах он порой очень трезв и наблюдателен. Но общий тон его советов и рекомендаций в чём-то весьма схож с тоном Шиманова 1970-х («человек — это стиль!»). Это великолепная правота в каком-то высшем, абстрактном смысле, и не менее великолепная слепота по отношению к конкретным историческим обстоятельствам. Какая-то удивительная уверенность в возможности несмотря ни на что осуществления того, что, как кажется, почти во всём противоречит сегодняшним общественным тенденциям.

С другой стороны, и к этим шимановским идеям нужно прислушаться. Возможно, они должны звучать как некий пусть недостижимый, но верный камертон относительно устройства семейной жизни. Вообще представляется, что тема семьи и понимание семейного вопроса в идеях Шиманова заслуживает отдельной работы, отдельного изучения. И кто знает, не поможет ли нам Бог в том, что каким-то чудом идеи такого категорического противника семейной эмансипации (как женской, так и детской) вдруг в будущем могут стать непосредственно актуальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бибихин В. В. Для служебного пользования//Другое начало. — СПб.: Наука, 2003. — С. 181–08.

Михайловский А. В., Штёкль К. Интервью с Сергеем Хоружим об истории и современном состоянии отечественной религиозной мысли//Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 5, № 1. — С. 169–181.

Предисловие//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 5–11.

Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. — М.: Аграф, 2001. — 464 с.

Суслов М. М. Утопический проект Г. М. Шиманова в контексте правого диссидентского движения в СССР в 1960–1980-х гг. //В мире консерватизма: идеи, практика, люди. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: ПГУ, 2006. — С. 174–198.

Шиманов Г. М. Два условия действительного возрождения христианства в России//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 842–865.

Шиманов Г. М. Заслуга Н. В. Сомина//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 626–635.

Шиманов Г. М. Здоровая семья как условие национальной безопасности России//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 886–895.

Шиманов Г. М. Идеальное государство//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 217–232.

Шиманов Г. М. Избыток собственности опьяняет ум человека//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 536–548.

Шиманов Г. М. Как относиться к советской власти//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 192–208.

Шиманов Г. М. Как понимать нашу историю//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 178–192.

Шиманов Г. М. Москва — Третий Рим//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 208–215.

Шиманов Г. М. Нельзя победить Кашеево царство, не имея здоровой ему альтернативы//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 635–651.

Шиманов Г. М. Нужна двусторонняя сосредоточенность человека//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 826–832.

Шиманов Г. М. Отрывки из дневника//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 139–148.

Шиманов Г. М. Перед смертью. Самиздатовский сборник 1969 г. //Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 12–113.

Шиманов Г. М. Псевдодемократическое правосознание//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 372–389.

Шиманов Г. М. Путь жизни//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 166–170.

Шиманов Г. М. Тема для размышлений//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 392–405.

Шиманов Г. М. Три открытых письма Н. А. Струве. Письмо первое//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 118–126.

Шиманов Г. М. У нашей церкви нет своего социального учения//Записки из красного дома/Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — С. 525–536.

Шиманов Г. М. Что такое история и зачем она нужна Богу и людям//История как Промысл Божий/В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. — М.: Институт русской цивилизации, Издательский дом «Кислород», 2016. — С. 610–625.

Янов А. Идеальное государство Геннадия Шиманова//Синтаксис. — 1978. — № 1. — С. 31–56.

Сведения об авторе:

Пуцаев Юрий Владимирович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: putschaev@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 13.08.2023.

Yu. V. Pushchaev

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Gennady Shimanov and His Unfulfilled Dream of “Orthodoxizing the Soviet State”

Abstract. The article delves into the life and endeavors of Gennady Mikhailovich Shimanov (1937–2014), a relatively unknown to the wide audience yet a profoundly intriguing thinker, Orthodox publicist and dissident of the Soviet and post-Soviet eras. It provides an overview of his biography and creative journey, highlighting his atypical position within the dissident and human rights movement, which predominantly leaned towards liberalism. In general, Shimanov’s beliefs revolved around practicing Orthodoxy during the Soviet era, Christian socialism, and Russian nationalism. The article focuses on Shimanov’s historiosophical prediction in the 1970s, suggesting the transformation of the Soviet state into an Orthodox theocracy, and the subsequent debates within the dissident literature of that time. Unusual for that period was Shimanov’s conviction in the necessity of maintaining loyalty to the Soviet state even on the part of dissidents. The article also touches upon Shimanov’s post-Soviet creative works and their character, notably after the collapse of the USSR when his expectations starkly failed to fulfill, or fulfilled in the opposite direction. Nevertheless, other successful ideas and predictions by Shimanov are acknowledged. For example, those regarding the detrimental consequences that the country and

society would experience if the liberal approach was chosen as the way out of the historical impasse of the Soviet era. The article also notes weaknesses in Shimanov's ideologies, particularly evident in the post-Soviet years: painful antisemitism, excessive social interpretation in understanding of Christianity, and ideological engagement. Simultaneously, the article acknowledges positive aspects of his ideas, namely his focus on national and family issues that heavily impacted the future of the Russian people.

Keywords: Gennady Shimanov, the Soviet state, dissidents, Orthodoxy, socialism, Christian socialism, nationalism, social Christianity, the West

For citation: Pushchaev, Yu.V. (2023). Gennady Shimanov and His Unfulfilled Dream of "Orthodoxizing the Soviet State". *Orthodoxia*, (3), 11–51. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-3-11-51

REFERENCES:

Bibikhin, V.V. (2003). Dlia sluzhebnogo pol'zovaniia [For Official Use]. In *Drugoe nachalo* [Another Beginning] (pp. 181–208). Saint Petersburg : Nauka. [In Russian].

Ianov, A. (1978). Ideal'noe gosudarstvo Gennadiia Shimanova [The Ideal State of Gennady Shimanov]. *Sintaksis*, 1, 31–56. [In Russian].

Mikhailovsky, A.V., Stoeckl, K. (2021). Interv'iu s Sergeem Khoruzhim ob istorii i sovremennom sostoianii otechestvennoi religioznoi mysli Filozofii [Interview with Sergei Khoruzhim About the History and Current State of Domestic Religious Thought]. *Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 5 (1), 169–181. [In Russian].

Predislovie [Preface]. (2013). In G. M. Shimanov *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 5–11). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Dva uslovia deistvitel'nogo vozrozhdeniia khristianstva v Rossii [Two Conditions for the Real Revival of Christianity in Russia]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 842–865). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Ideal'noe gosudarstvo [Ideal State]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 217–232). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Izbytok sobstvennosti op'ianaet um cheloveka [Excess Property Intoxicates the Human Mind]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 536–548). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Kak otnosit'sia k sovetsoi vlasti [How to Relate to Soviet Power]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 192–208). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Kak ponimat' nashu istoriiu [How to Understand Our History]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 178–192). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Moskva — Tretii Rim [Moscow is the Third Rome]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 208–215). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Nel'zia pobedit' Kashcheevo tsarstvo, ne imeia zdراوي emu al'ternativy [It is Impossible to Defeat the Kashcheevo Kingdom Without Having a Sound Alternative]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 635–651). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Nuzhna dvustoronniiaia sosredotochennost' cheloveka [A Person Needs Two-Sided Concentration]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 826–832). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Otryvki iz dnevnika [Excerpts from the Diary]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 139–148). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Pered smert'iu. Samizdatovskii sbornik 1969 g. [Before Death. Samizdat Collection of 1969]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 12–113). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Psevdodemokraticeskoe pravosoznanie [Pseudo-democratic Legal Consciousness]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 372–389). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Put' zhizni [The Path of Life]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 166–170). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Tema dlia razmyshlenii [Topic for Reflection]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 392–405). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G.M. (2013). Tri otkrytykh pis'ma N.A. Struve. Pis'mo pervoe [Three Open Letters to N.A. Struve. First Letter]. In *Zapiski iz*

krasnogo doma [Notes from the Red House] (pp. 118–126). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G. M. (2013). U nashei tserkvi net svoego sotsial'nogo ucheniia [Our Church Does Not Have Its Own Social Teaching]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 525–536). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G. M. (2013). Zasluga N. V. Somina [Merit of N. V. Somin]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 626–635). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G. M. (2013). Zdorovaia sem'ia kak uslovie natsional'noi bezopasnosti Rossii [A Healthy Family as a Condition for the National Security of Russia]. In *Zapiski iz krasnogo doma* [Notes from the Red House] (pp. 886–895). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Shimanov, G. M. (2016). Chto takoe istoriia i zachem ona nuzhna Bogu i liudiam [What History is and Why Does God and People Need It]. In V. Iu. Katasonov, V. N. Trostnikov, G. M. Shimanov *Istoriia kak Promysl Bozhii* [History as God's Providence] (pp. 610–625). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Izdatel'skii dom "Kislorod". [In Russian].

Sinyavsky, A. D. (2001). *Osnovy sovetskoï tsivilizatsii* [Fundamentals of Soviet Civilization]. Moscow: Agraf. [In Russian].

Suslov, M. M. (2006). Utopichesky proekt G. M. Shimanova v kontekste pravogo dissidentskogo dvizheniia v SSSR v 1960–1980-kh gg. [Utopian Project of G. M. Shimanov in the Context of the Right-Wing Dissident Movement in the USSR in the 1960–1980s]. In *V mire konservatizma: idei, praktika, liudi. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [In the World of Conservatism: Ideas, Practice, People. Interuniversity Collection of Scientific Papers] (pp. 174–198). Perm: PGU. [In Russian].

About the author:

Yuri Vladimirovich Pushchaev — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, e-mail: putschaev@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 13.08.2023.